Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-330-336

РУДЬ Максим Леонидович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: maximilian87@mail.ru.

ШАПОШНИКОВА Наталья Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права УрЮИ МВД России, подполковник полиции,
e-mail: nssabanina@gmail.com.

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России майор полиции
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА И ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются современные проблемы уголовно-правовой квалификации хищений цифровой валюты и цифровых прав с учетом изменений законодательства и судебной практики 2026 г. Анализируются правовая природа цифровых объектов, разграничение кражи, мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации, значение закрытого ключа и иных данных доступа, момент окончания хищения и определение стоимости похищенного. Обосновывается авторский критерий устойчивого перехода контроля, согласно которому хищение цифрового актива следует считать оконченным при фактической утрате потерпевшим возможности распоряжаться объектом и возникновении реальной возможности распоряжения им у виновного или иного лица. Предлагается последовательный алгоритм квалификации и формулируются направления совершенствования разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, цифровые права, цифровые финансовые активы, криптовалюта, хищение, кража, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, предмет преступления, квалификация преступлений, цифровые активы.*

RUD Maxim Leonidovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

SHAPOSHNIKOVA Natalya Sergeevna,
Senior Lecturer in the Department of Criminal Law at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

YUZVAK Sergey Anatolyevich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

DIGITAL CURRENCY AND DIGITAL RIGHTS AS THE SUBJECT OF THEFT: CURRENT PROBLEMS OF CRIMINAL-LAW QUALIFICATION

Annotation. *The article examines current problems of criminal-law qualification of theft involving digital currency and digital rights in light of the 2026 legislative and judicial developments. It analyzes the legal nature of digital assets, the distinction between theft, fraud and computer-information fraud, the role of private keys and other access credentials, the moment when the offence is completed, and valuation of the stolen assets. The author proposes the criterion of a stable transfer of control: theft of a digital asset should be considered completed when the victim actually loses the ability to dispose of the asset and the offender or another person acquires a real ability to control it. A step-by-step qualification model and proposals for improving Supreme Court guidance are formulated.*

Key words: *digital currency, digital rights, digital financial assets, cryptocurrency, theft, fraud, computer-information fraud, subject of crime, qualification of crimes, digital assets.*

С развитием технологий и общества, цифровизация имущественного оборота поставила перед уголовным правом задачу охраны объектов, существование и передача которых не связаны с традиционным материальным носителем. На протяжении нескольких лет вопрос о признании криптовалюты и иных цифровых активов предметом хищения разрешался преимущественно через толкование общих положений об имуществе, гражданско-правовой природы соответствующего объекта и его экономической ценности. Научная же дискуссия концентрировалась вокруг допустимости распространения традиционной конструкции хищения на цифровую валюту и цифровые права, а также вокруг выбора состава в зависимости от способа получения контроля над ними [1-3]. В 2026 г. нормативная основа существенно изменилась, однако сама проблема уголовно-правовой квалификации не исчезла, так как она переместилась с вопроса о принципиальной охраноспособности цифрового актива к вопросам его юридической идентификации, способа изъятия, момента окончания преступления и определения стоимости. Важным этапом в этом развитии стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П, в котором су указал, что цифровая валюта не является безналичными денежными средствами и не относится к цифровым правам, но обладает экономической ценностью, оборотоспособностью и может рассматриваться как имущество. При этом суд одновременно обратил внимание на различие правовых режимов цифровой валюты, цифровых прав и иных виртуальных активов, включая токены и стейблкоины. И нам хочется обратить внимание, что для уголовного права эта позиция имеет принципиальное значение, поскольку технологическая схожесть цифровых объектов не позволяет автоматически придавать им одинаковый юридический статус.

Так же считаем необходимым отметить, что Федеральным законом от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ примечания к ст. 104.1 УК РФ дополнены правилом, согласно которому для целей данной статьи и других статей УК РФ цифровая валюта признается имуществом и тем самым был устранен основной спор о возможности признания цифровой валюты предметом имущественных преступлений. Следующим шагом стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 19, которым Постановление Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 дополнено указанием, что к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения относятся, наряду с вещами и безналичными денежными средствами, цифровые права и цифровая валюта. Таким образом мы видим, что в результате российское уголовное право получило более определенную основу для охраны цифровых активов, но выбор конкретной уголовно-правовой нормы по-прежнему зависит от механизма завладения.

Цель нашего исследования состоит в формировании системного подхода к квалификации хищений цифровой валюты и цифровых прав после изменений 2026 г. Методологически исходным является требование точности понятий. В. В. Шанько и Е. Г. Светличный, рассматривая понятийные и методологические подходы к современному правопониманию, подчеркивают значение корректного понятийного аппарата для юридического исследования [11, с. 64-67]. И применительно к цифровым активам это означает, что уголовно-правовая квалификация должна начинаться не с бытового или технического обозначения объекта как «криптовалюты» или «токена», а с установления его юридической природы, иначе одно и то же технологическое наименование способно необоснованно повлечь различную либо, напротив, искусственно унифицированную уголовно-правовую оценку.

Итак, цифровая валюта по Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ представ-

ляет собой совокупность электронных данных, которые могут приниматься в качестве средства платежа или инвестиций и в отношении которых отсутствует обязанное перед каждым обладателем лицо, за исключением субъектов, обеспечивающих функционирование информационной системы [13]. Цифровые же права имеют иную юридическую конструкцию, так в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ ими признаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы. В свою очередь цифровые финансовые активы являются одной из нормативно определенных разновидностей цифровых прав, где отдельно следует учитывать цифровой рубль, который относится к безналичным денежным средствам. Следовательно, мв видим, что уголовно-правовой термин «цифровой актив» может использоваться как обобщающий только в аналитических целях, но при квалификации требуется индивидуализировать конкретный объект [5; 9; 12].

Такое разграничение на наш взгляд имеет практическое значение уже на стадии определения предмета хищения, поскольку цифровая валюта после 3 марта 2026 г. прямо признается имуществом для целей УК РФ, а цифровые права охватываются понятием имущества с учетом ст. 128 и 141.1 ГК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ. В то же время цифровой рубль является безналичным денежным средством, а потому к нему применимы правила, характерные для денежных средств на банковском счете, с учетом особенностей цифровой формы. Однако нельзя исходить из того, что любой токен автоматически является цифровой валютой или цифровым правом, так как его юридическая квалификация зависит от условий выпуска, функционального назначения, наличия обязанного лица и правил соответствующей информационной системы. Поэтому мы считаем, что первым этапом квалификации должно быть установление юридической природы объекта, а уже затем — выбор уголовно-правовой нормы.

В свою очередь для цифровых прав особенно важно различать само имущественное право и техническую запись, посредством которой оно учитывается и осуществляется. Так предметом хищения здесь выступает не абстрактный набор электронных символов, а экономически ценное право, принадлежность и распоряжение, которым обусловлены правилами информационной системы. Поэтому в литературе справедливо отмечается, что включение цифровых прав в систему имущественных объектов не устраняет вопроса о конкретном содержании каждого из них и способе причинения имущественного ущерба [2; 5; 12]. В связи с чем в обвинении недостаточно указать на «хищение токена» без описания того, какое именно право он удостоверяет, кому это право принадлежало, как изменилось его состояние после действий виновного и в чем выразилась утрата имущественной возможности потерпевшего. Несомненно такой подход соответствует принципу определенности обвинения и одновременно препятствует подмене правовой характеристики цифрового объекта его техническим наименованием.

Нельзя обойти внимание и проблему принадлежности цифрового актива и фактического контролем над ним, так как в отношении вещей принадлежность обычно подтверждается документами, владением либо иными традиционными доказательствами, в то время как для цифровой валюты решающую роль могут играть адрес кошелька, история транзакций, сведения о приобретении актива, данные централизованной платформы, содержание переписки, устройства и иные доказательства, позволяющие связать конкретное лицо с возможностью распоряжения активом. Вот почему само обнаружение адреса кошелька или seed-фразы на устройстве еще не доказывает принадлежность всей находящейся по соответствующему адресу цифровой валюты, здесь необходимо оценивать совокупность данных о происхождении и фактическом контроле.

Обратимся к судебной практике. Несомненно большую практическую значимость имеет Апелляционное определение Московского городского суда от 19 мая 2026 г. по делу № 10-8287/2026 [14]. Судебная коллегия признала обоснованным отнесение USDT, ETH, wrapped BTC, BTCB и BSC-USD к имуществу, способному выступать предметом хищения, исходя в том числе из их способности к конвертации, платежной и инвестиционной ценности. При этом при оценке ущерба суд поддержал подход, при котором количество соответствующих токенов соотносилось с их стоимостью на дату операции, после чего сумма пересчитывалась в рубли по официальному курсу. Данный пример показывает, что судебная практика стремится оценивать экономическую сущность цифрового объекта, однако одновременно подтверждает необходимость процессуально прозрачной методики определения стоимости.

После установления предмета основным вопросом становится разграничение кражи, мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации, поскольку технологический характер транзакции сам по себе не означает применение ст. 159.6 УК РФ. Для этого состава принципиально наличие вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, по-

скольку если виновный получил закрытый ключ, пароль или иные данные доступа и затем инициировал обычную предусмотренную правилами системы транзакцию без изменения программного обеспечения, алгоритмов или данных, сам факт использования информационной технологии не образует компьютерного мошенничества [4; 6].

В ситуации с тайным переводом цифровой валюты с кошелька потерпевшего, совершенном без его волеизъявления посредством использования полученных данных доступа, базовой моделью является кража при наличии остальных признаков состава. Однако здесь необходимо учитывать новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому квалифицирующий признак п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ охватывает кражу с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств и не должен механически распространяться на цифровую валюту только вследствие ее электронной формы. Следовательно, мы видим, что хищение цифровой валюты путем тайной транзакции должно оцениваться по общим и иным применимым квалифицирующим признакам кражи, но не как кража с банковского счета лишь потому, что объект существует в цифровой среде. Иная модель в свою очередь имеет место, когда потерпевший вследствие обмана сам совершает транзакцию и переводит цифровой актив на адрес, указанный виновным, поскольку если обман является непосредственной причиной добровольного внешне распоряжения имуществом, содеянное соответствует конструкции мошенничества. Типичными примерами могут быть и фиктивные инвестиционные предложения, ложные сообщения о необходимости перевода актива на «безопасный» адрес, имитация деятельности криптовалютного сервиса или введение в заблуждение относительно личности контрагента, при которых внешняя добровольность транзакции не исключает хищения, поскольку воля потерпевшего сформирована посредством обмана.

На наш взгляд статья 159.6 УК РФ должна применяться, когда переход контроля над цифровым имуществом обусловлен именно противоправным воздействием на информационную систему, что может выражаться во внедрении вредоносного кода, изменении программного обеспечения, модификации данных или иной манипуляции, вследствие которой система выполняет операцию, не соответствующую воле управомоченного лица. Поэтому для разграничения составов считаем целесообразным исходить из механизма перехода контроля, когда самостоятельная передача актива потерпевшим вследствие обмана указывает на мошенничество либо тайное использование легитимного механизма транзакции без волеизъявления владельца — на кражу, либо изменение работы информационной системы, непосредственно обусловившее переход имущества, — на мошенничество в сфере компьютерной информации.

Еще одним ключевым моментом является уголовно-правовое значение закрытого ключа, seed-фразы, пароля и иных данных доступа, то такие сведения, которые не следует отождествлять с самой цифровой валютой или цифровым правом, поскольку они выполняют функцию средства доступа и управления. Мы считаем, что завладение ключом не всегда означает немедленное изъятие имущества, так как пока актив остается под фактическим контролем владельца и виновный не совершил действий, обеспечивающих распоряжение им, оконченного хищения может не быть. Однако при наличии прямого умысла на последующий перевод цифровой валюты получение данных доступа способно образовывать стадию приготовления или входить в объективную сторону покушения в зависимости от конкретных действий, а дополнительная квалификация по нормам о преступлениях в сфере компьютерной информации допустима лишь при наличии всех признаков соответствующего самостоятельного состава.

Несомненно наиболее дискуссионным остается момент окончания хищения цифровых активов, поскольку общее правило Пленума Верховного Суда РФ связывает окончание кражи и грабежа с изъятием имущества и возникновением у виновного реальной возможности пользоваться или распоряжаться им, а для цифровой валюты применение этого правила осложняется тем, что транзакция проходит стадии формирования, подписания, распространения в сети и подтверждения, а степень необратимости зависит от конкретной информационной системы. И формальное отправление команды на перевод не всегда означает окончательную утрату контроля потерпевшим, так как одновременно ожидание абсолютной технической необратимости способно искусственно переносить момент окончания преступления. Здесь нам представляется обоснованным использовать критерий устойчивого перехода контроля, хищение цифровой валюты следует считать оконченным с момента, когда в результате совершенной операции потерпевший фактически утратил возможность распоряжаться соответствующим объемом актива, а виновный либо указанное им лицо приобрело реальную возможность распоряжения им. Отметим, что для публичных распределенных реестров это обычно связано не просто с созданием транзакции, а с ее фиксацией в состоянии системы, достаточной для практического распоряжения активом и количество технических подтверждений не должно закрепляться универсально, поскольку блокчейн-системы различаются. Юридическим же критери-

ем является именно устойчивость фактического контроля, а технические характеристики конкретной сети выступают доказательственной основой его установления.

Аналогичный подход с нашей точки зрения применим и к цифровым правам, но с учетом иной природы объекта, поскольку если право существует и осуществляется исключительно посредством записи в информационной системе, момент его противоправного перехода следует связывать с изменением записи либо иным юридически значимым событием, после которого прежний обладатель утрачивает возможность осуществлять соответствующее право, а другое лицо приобретает такую возможность. В этом случае предметом посягательства является не запись как технический элемент, а удостоверяемое ею имущественное право, что позволяет сохранить традиционную имущественную конструкцию хищения, не сводя ее к физическому изъятию вещи.

И как отдельную проблему следует рассмотреть стоимость похищенного, поскольку она определяет размер ущерба и способна влиять на квалификацию по признакам крупного и особо крупного размера. Высокая же волатильность цифровой валюты означает, что оценка должна быть максимально привязана ко времени совершения преступления, а для широко обращающихся активов допустимо использовать сведения нескольких устойчивых торговых площадок либо иной проверяемый источник рыночной цены с последующим переводом стоимости в рубли по официальному курсу соответствующей валюты. Здесь необходимо отметить, что при споре о природе токена, отсутствии ликвидного рынка или значительном расхождении котировок требуется специальное исследование, оформленное процессуально и документ должен содержать не только итоговую сумму, но и объяснение источника цены, времени фиксации котировки и способа расчета.

Судебная практика по озвученному нами выше делу № 10-8287/2026 демонстрирует один из возможных подходов к уголовно-правовой оценке цифровых активов, когда Московский городской суд признал обоснованным отнесение токенов USDT, ETH, wrapped BTC, BTCB и BSC-USD к имуществу, способному выступать предметом хищения, исходя из их материальной ценности, способности к конвертации и фактического участия в имущественном обороте. Такой способ, однозначно, способен снизить риск завышения ущерба в условиях внутридневной волатильности, однако не должен превращаться в универсальное правило без учета особенностей конкретного актива и рынка. И более устойчивым представляется принцип проверяемости и воспроизводимости расчета, когда выбранная методика должна позволять сторонам и суду повторить вычисление и оценить достоверность исходных данных.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, на основе проведенного анализа нами предлагается последовательный алгоритм квалификации, состоящий из нескольких этапов. На первом этапе устанавливается юридическая природа объекта, цифровая валюта, цифровое право, цифровой финансовый актив, цифровой рубль либо иной токен. На втором определяется принадлежность объекта и фактический контроль над ним. На третьем реконструируется механизм перехода контроля, добровольная транзакция потерпевшего под влиянием обмана, тайная операция виновного с использованием полученных данных доступа либо технологическое вмешательство в информационную систему. На четвертом выбирается базовый состав — кража, мошенничество или мошенничество в сфере компьютерной информации. На пятом устанавливается момент окончания по критерию устойчивого перехода контроля. На шестом определяется стоимость похищенного на соответствующий момент. На седьмом проверяются квалифицирующие признаки и возможная совокупность с самостоятельными преступлениями в сфере компьютерной информации. В сокращенной форме алгоритм может быть выражен формулой: юридическая идентификация объекта — принадлежность и контроль — механизм перехода контроля — базовый состав — момент окончания — стоимость — квалифицирующие признаки и совокупность.

Представляется, что на современном этапе нет необходимости создавать универсальный специальный состав «хищения цифровых активов», действующие нормы о преступлениях против собственности в сочетании с законодательным признанием цифровой валюты имуществом и разъяснениями Верховного Суда в целом позволяют охватывать основные модели противоправного завладения. Главная задача здесь состоит в адаптации судебных разъяснений к особенностям нематериального предмета, поэтому целесообразно дополнительно разъяснить, что момент окончания хищения цифровой валюты определяется не формальной отправкой транзакции, а устойчивым переходом фактического контроля; что использование без согласия владельца закрытого ключа, seed-фразы или пароля для совершения штатной транзакции само по себе не означает вмешательства в функционирование информационной системы; что стоимость цифрового актива должна определяться по проверяемым данным на момент преступления с отражением методики расчета в процессуальных документах.

Таким образом, очевидно, что законода-

тельные и судебные изменения 2026 г. сформировали более определенную модель уголовно-правовой охраны цифровой валюты и цифровых прав, но не устранили сложности квалификации и признание цифровой валюты имуществом решает вопрос о возможности ее выступать предметом хищения, однако не подменяет анализа юридической природы конкретного цифрового объекта. Разграничение же кражи, мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации следует проводить по механизму перехода контроля, а не по самому факту использования цифровой технологии. Закрытый ключ и иные данные доступа, как правило, выступают здесь средством управления активом, а не самим предметом хищения. Для определения момента окончания преступления предлагается критерий устойчивого перехода контроля, учитывающий фактическую утрату потерпевшим возможности распоряжения и возникновение такой возможности у виновного. Считаем, что последовательное применение указанных критериев позволит снизить риск как расширительного толкования уголовного закона, так и необоснованного отказа в уголовно-правовой охране имущества, существующего исключительно в цифровой форме.

Список литературы:

[1] Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87. DOI: 10.12737/jrl.2022.018.

[2] Попова Е. М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения // Правовое государство: теория и практика. 2026. Т. 22. № 2 (84). С. 207–216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[3] Быкова Е. Г., Казаков А. А. Криптовалюта как предмет преступлений против собственности: существуют ли проблемы квалификации? // Российский судья. 2026. № 3. С. 33–37. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-33-37..

[4] Степаненко Д. А., Гармышев Я. В. Криптовалюты как предмет и средство совершения преступлений: проблемы квалификации и расследования // Российский следователь. 2025. № 1. С. 18–23.

[5] Серебренникова А. В., Трефилов А. А. О некоторых уголовно-правовых аспектах характеристики цифровых прав // Законодательство. 2022. № 11. С. 51–57.

[6] Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125.

[7] Иванов Н. Г., Мирзоян М. Э. Виртуальная валюта как предмет хищений // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 4. С. 169–174.

[8] Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 408–415.

[9] Князьков А. А., Пухов А. А. Цифровые финансовые активы как предмет преступления: понятие, виды, особенности незаконного оборота // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_352..

[10] Мочалкина И. С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2022. 240 с.

[11] Шанько В. В., Светличный Е. Г. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 64–67. EDN: UQHBBU.

[12] Серебренникова А. В. Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). С. 38–40.

[13] Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

[14] Апелляционное определение Московского городского суда от 19.05.2026 по делу N 10-8287/2026 (УИД 77RS0010-02-2025-007312-52). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SOCN&n=1985756&req=doc&utm_source=chatgpt.com#pg6EvUV4kizir8Zo.

References:

[1] Obrazhiev K.V. Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: problems of qualification and legislative regulation // Journal of Russian Law. 2022. T. 26. № 2. S. 71-87. DOI: 10.12737/jrl.2022.018.

[2] Popova E. M. Digital rights as a subject of theft: discussion issues in criminal law doctrine and ways to resolve them // Rule of law: theory and practice. 2026. VOL. 22. № 2 (84). S. 207-216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[3] Bykova E.G., Kazakov A.A. Cryptocurrency as a subject of crimes against property: are there any qualification problems? // Russian judge. 2026. № 3. S. 33-37. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-33-37..

[4] Stepanenko D.A., Garmyshev Y.V. Cryptocurrencies as an object and means of committing crimes: problems of qualification and

investigation // Russian investigator. 2025. № 1. S. 18-23.

[5] Serebrennikova A. V., Trefilov A. A. On some criminal law aspects of the characteristics of digital rights // Legislation. 2022. № 11. S. 51-57.

[6] Russkevich E.A., Malygin I.I. Crimes related to the circulation of cryptocurrencies: qualification features // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. S. 106-125.

[7] Ivanov N.G., Mirzoyan M.E. Virtual currency as a subject of theft // Problems of economics and legal practice. 2021. VOL. 17. № 4. S. 169-174.

[8] Root A. A., Tydykova N. V. Cryptocurrency as an object and means of committing crimes // All-Russian Criminological Journal. 2019. T. 13. № 3. S. 408-415.

[9] Knyazkov A. A., Pukhov A. A. Digital financial assets as a subject of crime: concept, types, features of illegal trafficking // Agrarian and land law. 2025. № 3. S. 352-355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_352..

[10] Mochalkina I. S. Digital rights and digital currency as the subject of crimes in the economic sphere: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.4. M., 2022. 240 s.

[11] Shanko V.V., Svetlichny E.G. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding // Philosophy of law. 2021. № 3 (98). S. 64-67. EDN: UQHBBU.

[12] Serebrennikova A. V. Specifics of digital rights as a subject of crime // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). S. 38-40.

[13] Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 31.07.2020 N 259-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

[14] Appeal ruling of the Moscow City Court of 19.05.2026 in case No. 10-8287/2026 (UID 77RS0010-02-2025-007312-52). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SOCN&n=1985756&req=doc&utm_source=chatgpt.com#pg6EvUV4kizir8Zo.

